

В. Г. Дорохов

Эффективность деятельности региональных спецслужб царской России в Томской губернии в конце XIX – начале XX в.

Проблема политического насилия в истории России очень остро стояла во все времена. В XIX в. пик насилия пришелся на 1881 г., когда народовольцами был убит царь Александр II. Дальнейшие десятилетия проходили под знаком нарастания насилия и усиления противодействия двух сил: политической полиции и вообще всей системы Министерства внутренних дел и революционных сил, которые сумели мобилизоваться в начале XX в. и выйти на новый уровень своего организационного развития. Ключевыми точками противостояния стали три русские революции. Однако этот процесс шел продолжительное время и не везде равномерно.

Например, в Сибири революционные процессы шли изначально слабее, что было связано с отсутствием большой питательной среды для возникновения подобных процессов. Хотя попытки революционных сил к объединению были неоднократными. В 1896 г. в Томске был создан Союз социалистов-революционеров. В числе организаторов Союза был выпускник Томской губернской мужской гимназии, участник подпольных томских кружков А.А. Аргунов. В январе 1901 г. Союз социалистов-революционеров выпустил в Финляндии первый номер нелегального журнала «Революционная Россия», в мае этого же года – второй номер с призывом к террору против правительства. После этого, опасаясь провала, руководители Союза перевели подпольную типографию в Сибирь, где на переселенческом пункте, в нескольких километрах от Томска, приступили к печатанию третьего номера «Революционной России». 23 сентября 1901 г. организаторы были арестованы. Однако революционеры были обвинены Томским губернским жандармским управлением (ТЖУ) не в антиправительственной деятельности, а привлечены по статьям «за устройство типографии без надлежащего разрешения»¹.

Данная формулировка свидетельствует о том, что томскую жандармерию и прокуратуру мало интересовал факт организации подпольной типографии, которая печатала антиправительственные издания. В большинстве губерний Российской империи в сфере политического розыска господствовало формальное отношение к совершению своих обязанностей. Не был исключением и Томск. Местный прокурор в беседе с московским офицером, совершавшим дознание, А.И. Спиридовичем подтвердил информацию о скором освобождении части арестованных. Спиридович писал впоследствии по этому поводу: «Получалась самая обычная в то время вещь. В политических делах прокуратура в большинстве случаев, прежде всего, схватывалась за освобождение и прежде всего, принимала на себя роль адвоката арестованных, забывая, для чего она существует»². О среднем уровне квалификации служащих ТЖУ говорит и то, как был совершен обыск революционеров. Томские жандармы не обратили внимание на журнал А.И. Герцена «Колокол», который был в списке запрещенной литературы на территории Российской империи и, следовательно, мог быть использован в качестве важной улики против организаторов

Дорохов Валерий Геннадьевич к.и.н., ст. преподаватель, Кемеровского государственного университета.

Эл. почта: dorohov@mail.ru

¹ Спиридович А.И. Записки жандарма. Репринтное издание. М., 1991. С. 74.

² Там же. С. 75.

подпольной типографии. Поскольку А.И. Спиридович как представитель Департамента полиции (ДП) одновременно с формальным дознанием получил возможность проводить расследование в порядке Положения «О Государственной охране...», это значительно облегчило ему дело, так как можно было обойтись без участия прокуратуры в деле расследования.

Однако разгром типографии не охладил пыла томских революционеров и не остановил организацию новой партии социалистов-революционеров, которая была создана в январе 1902 г. Тогда же возникли ее отделы в Сибири и один из первых – в Томске. Его сформировали бывшие ссыльные во главе с С.П. Швецовым, к которым позже примкнули студенты и интеллигенция. Во второй половине 1904 г. эсеровские группы объединились в Сибирский союз социалистов-революционеров, объявив террор едва ли не основополагающим методом борьбы за цели партии¹. Нужно отметить, что ликвидация подпольной типографии нанесла большой удар по организации социалистов-революционеров в Томской губернии, однако ДП не довел до конца операцию по уничтожению революционеров, так как арест томской типографии и причастных к ней лиц в Сибири не сопровождался одновременными арестами в других частях России по причине слабой координации действий между как между ГЖУ, так и между полицией и ГЖУ. Это снизило эффект от ликвидации томской типографии в сентябре 1901 г.

Не стояло в стороне от активной революционной борьбы и томское студенчество. Из-за жесткого надзора со стороны инспекторов и их помощников, наказывающих за самые малые проступки, например, за участие в танцевальном вечере без разрешения начальства, студенты активно выражали свое недовольство. В феврале – марте 1899 г. в Томском университете состоялась массовая забастовка студентов, поводом к которой послужило избяние петербургских студентов 8 февраля 1899 г. Вначале студенчество концентрировало свое внимание исключительно на академических проблемах. Однако нарастание дальнейшего противостояния привело к появлению политических лозунгов. Отсутствие взаимопонимания между студентами и университетским руководством в последовавшие годы вновь сталкивало их и фактически превращало «университет и технологический институт в настоящие очаги революционной борьбы»².

В начале XX в. политизация студенческого движения усилилась. 6 декабря 1902 г. в годовщину Томского технологического института был устроен бал в пользу бедных студентов, где, исходя из официального регламента, был исполнен государственный гимн. Однако, как показало дальнейшее негласное расследование, некоторые студенты воспользовались данным мероприятием, чтобы «произвести общий скандал и тем расстроить бал, на котором предполагалось сведение счетов между двумя различного направления партиями студентов»³. Они исполняли во время гимна одну из революционных песен. На недостаточную эффективность работы томской жандармерии показывает тот факт, что она не смогла арестовать зачинщиков, аргументировав это переполненностью зала. 1902 г. был очень напряженным для томской жандармерии. Она не успевала быстро реагировать на происходившие события. В частности, 13 марта в Томском университете было выпущено революционное воззвание. На 14 была назначена оппозиционная сходка⁴, о которой начальство Томского ГЖУ узнало только 25 марта⁵, то есть спустя 10 дней.

¹ *Томская область: Исторический очерк.* Томск, 1994. С. 193.

² Там же. С. 194.

³ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1898 г. Оп. 226. Ед. хр. 3 ч. 213. Т. 8. Л. 4–5.

⁴ Там же. Ед. хр. 3 ч. 150. Т. 12. Л. 40 об.

⁵ Там же. Л. 40.

Жандармы редко могли определить, кто являлся зачинщиком студенческих беспорядков. Например, 20 марта 1903 г. в Томске шла опера «Царская невеста», во время первого акта раздался «отрывистый негромкий свист»¹. Однако, кто это сделал, узнать не представлялось возможным, «так как студентов в ложах было чересчур много»². В рапорте в ДП начальник ТГЖУ ограничился лишь констатацией факта о «неправомерном поведении студентов». Очень странная позиция для представителя правительственного органа, направленного на пресечение различного рода выступлений против существующей власти, обладавшего широкими полномочиями. И это были не единичные случаи, когда жандармы не проявляли настойчивости в прекращении подобных правонарушений.

После образования в 1903 г. в Томске Охранного отделения (ТОО), все политические дела по городу перешли в его ведение. Высокая эффективность Охранного отделения сразу проявила себя, но стремление сбить революционные выступления предопределили появление ряда специфических черт в его работе, как например чрезмерная жесткость даже по незначительным случаям. В качестве примера можно привести выдержки из шифрованной телеграммы от 28.10.1903 г.: «27 октября в театре в конце антракта из лож яруса занятого исключительно технологами и отчасти универсантами брошены в партер гектографические возмутительные прокламации [...] находящиеся в ложах 149 человек без сопротивления задержаны и под охраной войска развезены по местам заключения приняты меры установления лиц в городе порядок не нарушен»³. Как критерий быстрого реагирования ТОО на возникшую проблему, это вполне показательный факт, но то, что такие действия вели, в конечном счете, к обострению ситуации в долговременном плане, ставят под сомнение эффективность всей системы органов политического сыска Томской губернии по контролю над ситуацией.

В 1904 г. противостояние власти и общества, продолжало нарастать, что вело в свою очередь к усилению политического насилия между сторонами. Для снижения политической активности томского студенчества был предпринят ряд мер. Те, кто был замечен в участии в политических демонстрациях, либо вообще в политической неблагонадежности, заносились в специальный список: «Список студентов высших учебных заведений г. Томска, пребывание коих в стенах учебного заведения представляется нежелательным», отсылавшийся затем в ДП⁴. Данная мера позволила создать единую информационную базу в отношении студенческих антиправительственных выступлений.

Лето 1905 г. в Томской губернии было отмечено целой серией революционных выступлений. Полковник С.А. Романов доносил губернатору, что «в разных местах окрестностей Томска, в лесу и на полях, весьма часто собираются сходки [...], стала замечаться уже большая смелость сходок, а также более значительная их численность»⁵. 21 июня в районе ст. Меженниновка прошла крупная сходка рабочих, студентов и служащих, о чем также было доложено губернатору, поскольку стали отмечаться очень смелые выступления собравшихся, а также их возросшая многочисленность. В рапорте было отмечено, что «[...] более 100 из всех участников с пением песен пошли с места сходки по Александровской улице, свернули на Киевскую и с этой последней разошлись уже

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1898 г. Оп. 226. Ед. хр. 9 ч. 32. Л. 27–28.

² Там же. Л. 28.

³ Там же. Ед. хр. 3 ч. 280. Т. 8. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 389–391 об.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 2658. Л. 266–267.

небольшими группами [...]»¹. Очередное обострение противостояния сторон в конце 1905 г. в центральных областях России не прошло мимо Томской губернии. Уже 15 ноября забастовали служащие почтово-телеграфной конторы в Новониколаевске. Однако проблема для томской жандармерии в этот период была в том, что они уже не контролировали ситуацию в силу своей немногочисленности, значительного размаха революционного движения и низкого уровня владения методами политического сыска. Это прямое свидетельство недостаточно высокой эффективности органов политического сыска, созданных во второй половине XIX в., в период слабого развития революционного движения, которые старыми методами пытались решать поставленные перед ними задачи по обеспечению политического спокойствия. Причем данная проблема была характерна не только для Томской губернии.

Большинство уездов Томской губернии были объявлены либо на военном положении, либо на положении усиленной охраны. Это, конечно, положительно сказалось на обстановке в городе и в деревне, где ситуация была также крайне нестабильной. На это обстоятельство указывал томскому губернатору в донесении от 7 февраля 1906 г. начальник ТГЖУ полковник С.А. Романов: «Настроение умов местного населения тревожно из-за бесчинства прибывших с театра военных действий запасных воинских чинов»². Не без их влияния крестьяне в селениях Ново-Георгиевском, Рубцовском, Ульбинском и деревне Огневой отказывались платить числящуюся за ними недоимку. Как итог этого, дальнейшее нарастание насилия в действиях сторон. Местные власти долгое время не могли своими собственными силами справиться с беспорядками и лишь после подавления восстаний в основных центрах России и разгрома революционных организаций по линии Сибирской железной дороги правительство смогло оказать помощь местным властям. Студенческое стачечное движение в Томское губернии только к 1911 г. пошло на спад. Ключевая роль в этом принадлежит Томскому охранному отделению, сумевшему с помощью арестов, массовых исключений из высших учебных заведений Томска и высылке в административном порядке привести к желательным для властей результатам «успокоения» высшей школы. Уровень организации политического сыска в ТОО был на порядок выше, что и помогло им успешно справиться с поставленной задачей.

В конце XIX в. эффективность политической полиции Томской губернии в лице ТГЖУ оставалась желать лучшего и резкая активизация революционных сил практически вогнала ее деятельность в ступор. Томское ГЖУ больше наблюдало за политическими настроениями и в конечном итоге превратилось в еще одно бюрократическое учреждение в системе МВД. В такой тонкой сфере как политический сыск и дознание необходима работа на опережение. В итоге Томская губерния активно приняла участие в первой русской революции и лишь ценой привлечения военных сил и созданием новых органов политического сыска в регионе, активность революционных сил пошла на спад и вплоть до 1911 г. возросшая эффективность работы местных спецслужб позволяла контролировать ситуацию в губернии и пресекать антиправительственную деятельность в зародыше. Не в последнюю очередь это было связано со сменой руководства в ТГЖУ и ТОО и организационной перестройкой всей системы российской тайной полиции в целом. После 1909 г., в ходе ряда кадровых перестановок, намного улучшилась координация действий между правоохранительными органами Томской губернии. Однако ориентация МВД на жесткий курс подавления оппозиционного движения, не давая ему возможности никак себя высказать, сыграла в дальнейшем отрицательную роль в деле укрепления политической стабильности, как в центре, так и на местах, и свело на нет те успехи, которые были достигнуты в деле повышения эффективности функционирования работы спецслужб Томской губернии.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 2658. Л. 266–267.

² Там же. Оп. 18. Д. 1200. Л. 386.